

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с реальными людьми
или событиями случайно.*

Глава 1

Явление поэта

— Денег нет, — сказал кассир.

— Но позвольте... — начал Басаргин.

— Нет денег, Максим Александрович, — повторил кассир, и в его тоне собеседник уловил нечто вроде сочувствия. — Заведующий распорядился вам не давать. Вы, говорит, материал не сдали. Аванс брали и не вернули...

— Послушайте, — начал заводиться Басаргин, — это какое-то недоразумение. Глебову можно сколько угодно брать авансы и кормить всех обещаниями, Стеничу... а я только один раз... Я статью не сдал, потому что болен был!

— А Поликарп Игнатьевич в курсе? — мягко осведомился кассир. И хотя тон его был предельно корректен, по выражению глаз, по тому, как остро они блеснули под стеклами очков, стало ясно, что человек, сидящий за окошечком кассы в редакции «Красного рабочего», не слишком-то склонен верить в отговорки собеседника.

Басаргин смирился. В конце концов, если он поругается еще и с кассиром Измайловым, ничего хо-

рошего из этого не выйдет. Кассиры — народ злопамятный и всегда найдут способ напакостить, если редакционный работник задел их самолюбие. Придешь, к примеру, деньги получать, а кассир раз — и перерыв объявит или просто захлопнет окошечко без всяких объяснений. Опыт научил Максима Александровича никогда не ссориться с теми, кто ведаёт финансами: это всегда выходит боком.

— Скажите, — начал Басаргин, нервно растирая лоб, потому что у него вдруг начала болеть голова, — а если Поликarp Игнатьевич...

— Если Поликarp Игнатьевич скажет, что можно, тогда другое дело, — с готовностью отозвался Измайлов. — А так, поймите, нехорошо выходит. Он сам велел — Басаргину авансов не давать...

Чертыхнувшись про себя, Максим Александрович отправился искать заведующего, а найти его было весьма непросто. Редакция «Красного рабочего» помещалась в огромном здании на Солянке, которое некогда было воспитательным домом, а при Советах превратилось в Дворец труда. Сюда, как спички в коробку, кое-как втиснули несколько десятков учреждений, в числе которых оказались издательства, редакции журналов и газет, художественная выставка, сберкасса, всевозможные профсоюзные организации, почтовое отделение и магазин. Каждое утро трамваи приносили к Дворцу труда сотни служащих, которые ручейками вливались внутрь и растекались по бесчисленным кабинетам. Жизнь кипела в бывших дортуарах сирот, стрекотали пишущие машинки, верстались газетные полосы, из курилки в курилку

носились последние сплетни. Человек, который попадал в лабиринт коридоров дворца впервые, был, наверное, очарован здешней суетой, но Максим Александрович Басаргин шагал, как приговоренный к смерти, и думал только о том, что у жены Вари нет приличного зимнего пальто и, стало быть...

— А, Максим!

Кто-то с размаху хлопнул его по плечу, Басаргин дернулся и повернулся. Так и есть — Глебов, его ма-нера. Степан Сергеевич Глебов был розов, щекаст, жизнерадостен, и глаза его взирали на мир с непоколебимой уверенностью в своих силах. Он всюду ходил с трубкой, но, разумеется, совсем не потому, что главный редактор «Красного рабочего» Оксюкович курил трубку. И авансы за статьи Глебову с легкостью давали, конечно, потому, что считали его талантлив-ым, а не потому, что он был вхож в дом Оксюковича на правах кого-то вроде жениха.

— Ну? Что? Как? Вообще? — в присущей ему манере сыпал отрывистыми вопросами Глебов и тут же, не дожидаясь ответа, продолжал: — Слышал новость? О Колоскове?

— Нет, — хмуро ответил Басаргин.

Колосков был заместителем главного редактора. В августе он ушел в отпуск и должен был отправиться на юг, где его уже ждала отбывшая ранее жена с детьми, но на место назначения не приехал. Среди сотрудников «Красного рабочего» ходил упорный слух, что Колосков сбежал к любовнице, но кем она была, никто не мог сказать по причине того, что зам умело скрывал свою личную жизнь.

— Нашелся! — Глебов залился счастливым смехом. — Видели его! В Харькове! Там у него пассия... Говорят, певица! И красоточка... Все на месте!

Басаргин слушал, насупившись, и думал: почему все вокруг считают Глебова ловким малым и вообще молодцом, который своего не упустит, между тем как совершенно очевидно, что Степа — самый обыкновенный круглый дурак. «А может быть, он именно этим и берет! — мелькнуло в голове у Максима Александровича. — Все видят, что он дурак, потому его не опасаются и хвалят, отлично зная ему цену». Вслед за этим пришла другая мысль, куда менее утешительная: «Но если он дурак, а я умный, почему я не могу выбить какой-то жалкий аванс? Почему...»

— Степа, — прервал он поток фраз Глебова, который живописал пассию Колоскова, ради которой тот бросил жену и троих детей, так увлеченно, словно пять минут назад видел певицу своими глазами, — мне нужен Поликарп, где он?

Заведующий редакцией носил двойную фамилию Федотов-Леонов, которая ставила Басаргина в тупик — да, впрочем, не только его. Так или иначе, по фамилии заведующего никто не называл, а говорили коротко и просто: Поликарп.

— С утра был здесь, — сообщил Глебов. Он сунул в рот трубку, выпустил дым и небрежно добавил: — Он попросил у меня книжку моих рассказов.

Это означало, что Глебов навязал заведующему свою книжку. Степа был косноязычен, не умел придумывать сюжетов и считал, что стряпчий — это

повар, но зато у него имелось неоспоримое пролетарское происхождение и три месяца пребывания в Красной армии под конец Гражданской войны. Сейчас, в 1928 году, ему исполнилось 27 лет, и он с энтузиазмом смотрел в будущее, веря, что лично ему оно принесет только хорошее. Максим Александрович Басаргин был на десять лет старше собеседника и весь свой энтузиазм давно растерял. Верил он, пожалуй, только в литературу, которую любил всем сердцем, — но не в литературу Глебовых. Для «Красного рабочего» Басаргин сочинял фельетоны, писал очерки, разбирал бы и шахматные партии, если бы ему это поручили. Все говорили, что у него легкий стиль, не подозревая о том, скольких мучений ему стоит эта легкость. Работой своей Басаргин тяготился и по вечерам сочинял комедию, в которой отводил душу. Весной он отнес пьесу в театр, но шел уже сентябрь, а о пьесе не было ни слуху ни духу. Значит, опять убогая газетная работа без надежды напечататься по-настоящему, отдельной книжкой, опять нужда, опять жалобы Вари...

И он опять не сможет ничем ей помочь.

— Леля, — спросил Глебов у проходящей мимо машинистки в вязаном жилете поверх белой блузки, — Поликарп сейчас не у себя?

Выяснилось, что заведующего недавно видели в кабинете Лапина, который руководил отделом «За оборону СССР». Лапин, человек с суровым обветренным лицом и колючими глазами, не пользовался в редакции особой популярностью. Он прошел всю Гражданскую, ходил с орденом Красной Звезды, по-

сле полученных на войне ранений и контузий хромал на левую ногу и был глуховат. Басаргин подозревал, что Лапин, который воевал по-настоящему, а не три месяца, в глубине души презирает своих коллег, людей в массе штатских и к боевым действиям равнодушных. Когда того требовали обстоятельства, он мог изобразить сердечность, но вообще предпочитал держаться особняком и даже в столовой обычно садился за отдельный стол.

— Интересно, что Поликарп забыл у Лапина? — спросил Глебов и, не дожидаясь ответа, высказал догадку: — Наверное, от Кострицыной прячется. Небось опять ему скандал устроила из-за своих выкроек.

Несколько раз в месяц «Красный рабочий» печатал уменьшенные выкройки одежды, и каждый раз происходило одно и то же: места никогда не хватало, в итоге чертеж втискивали на какой-нибудь огрызок в несколько квадратных сантиметров. Рассмотреть пояснения к такому чертежу можно было разве что с лупой, и то не всегда. Это являлось источником постоянных переживаний для создательницы выкроек Кострицыной, которая относилась к своему делу серьезно, обижалась до слез на такое отношение и самозавбенно ругалась с редакторами:

— Поликарп Игнатьевич, ну как вы могли? Вы же обещали! Опять люди жалуются, что ничего не разобрать... Да у вас реклама какого-нибудь «Ночного экспресса» больше места занимает, чем мои несчастные выкройки!

— «Ночной экспресс» — объявление коммерческое, за деньги, — отвечал заведующий. — Фильм с Гарри Пилем¹, сверхбоевик как-никак...

— Поищем Поликарпа у Лапина, — предложил Глебов, поворачиваясь к Басаргину.

Максим Александрович предпочел бы идти один, но Глебов увязался за ним. У Лапина они выяснили, что заведующий уже ушел.

— Кажется, он сейчас у Должанского, — сказал бывший военный.

Должанский занимался в газете поэтическим отделом и был известен тем, что каждому автору вежливо говорил, что его стихи обещают большое будущее. Но Басаргину приходилось наблюдать и другого Должанского, который так выразительно зачитывал вслух худшие места из графоманских виршей, которые ему присылали, что присутствующие буквально катались от хохота.

— Идем к Должанскому, — объявил Глебов, и вдвоем с Басаргиным они покинули кабинет Лапина с портретом Фрунзе на стене.

Максим Александрович повеселел, и даже голова у него перестала болеть. Ситуация стала казаться абсурдной, и по писательской привычке он стал прикидывать в уме сюжет: «Учреждение, затерянное в недрах... ну, скажем, московского небоскреба...

¹ Гарри Пиль (1892–1963) — звезда немецкого кино, актер трюковых фильмов, пользовавшийся в СССР большой популярностью.

Служащие ищут начальника — и никак не могут его найти...»

— Старик, я слышал, ты комедию написал? — донесся до него голос Глебова.

Максим Александрович вздрогнул и остановился возле стенда, который доступными средствами призывал к активной борьбе с пьянством. На самодельном плакате из бутылки вылезала зеленая змея и пыталась вцепиться в синего гражданина, нацелившегося эту бутылку выпить. Судя по решительному виду пьяницы, змее всерьез грозила участь быть употребленной на закуску. Между собой остряки Дворца труда называли этот плакат «Призрак коммунизма» и «Чудное виденье».

— Кто сказал... — начал Басаргин.

— Леся, — ответил Степа, усмехнувшись. — Скачала, что перепечатывала текст для тебя на машинке... И ты просил никому не говорить.

Писатель уже овладел собой и, как ему казалось, принял безразличный вид.

— Ну, слушай... Это так... Первый опыт... Пьесы вообще писать тяжело...

— Я знаю, — небрежно кивнул Глебов. — Сам собираюсь написать одну штучку... Ты куда свою пьесу отнес? К Мейерхольду? В Художественный?

— В Театр сатиры.

— Ну... ну... А что так? Думаешь, там больше шансов? Не, брат. — Только что Басаргин был «стариком», и вот уже Степа определил его в «братья», не замечая, насколько дико звучат такие перемены. — Дерзать надо. Надо дерзать... Сатира — это

что? Мещанский театр, мещанская публика... нэп-маны...

Басаргину сделалось скучно. Он отлично знал, почему Глебову хотелось попасть на сцену: театр был золотой жилой, драматурги получали не только гонорар за пьесу, но и отчисления с каждого представления. Именно поэтому в театр рвались все, кто с грехом пополам освоил правила правописания, — и именно поэтому в драматургической сфере так ожесточенно топтали конкурентов, не гнушаясь никакими методами. «Ну а я? — подумал Басаргин. — Чего же хочу я? Ведь не ради же денег я затеял все это — точнее, не только ради денег... Хотя какая разница — все равно же ничего не вышло...»

Когда Максим Александрович и его несносный спутник вошли в кабинет Должанского, тот говорил по телефону, время от времени делая заметки на лежащем перед ним листе бумаги. Заведующий редакцией стоял возле окна, засунув руки в карманы. Это был высокий, могучий человек, про которого ходили слухи, что ему довелось одно время быть на Волге бурлаком, чтобы прокормить семью. Он не говорил, а громыхал, и по лицу его, когда он заметил Басаргина, пробежала легкая тень.

— Поликарп Игнатьевич, — бодро заговорил писатель, — я согласовал тему с Эрмансом... — Эрманс был секретарем редакции. — Столетие со дня рождения Льва Толстого...

— Темы надо не с Эрмансом согласовывать, а со мной, — прогромыхал гигант. — Это во-первых. Во-вторых... вы меня простите, Максим Александро-